

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

VII

Издательство Академии Наук СССР

Москва · 1939 · Ленинград

П. П. ИВАНОВ

Казахи и Кокандское ханство

(К ИСТОРИИ ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XIX в.)

I

Размещение отдельных частей казахского народа на северо-восточных окраинах земледельческой части Средней Азии (Ташкентский район) происходило сравнительно поздно, — во всяком случае началось оно не ранее первой половины XVI в., когда центральная часть среднеазиатской территории была уже довольно прочно занята узбеками. Неоднократно повторявшийся на протяжении XVI—XVIII вв. переход политической власти в районе Ташкента от узбеков к казахам и обратно так же, как и кратковременное господство здесь джунгаров в первых десятилетиях XVIII в., не изменяли существенно ни этнического состава населения района, ни основных границ распространения отдельных народностей. В частности, южная граница распространения казахов (долина р. Ангрена), установившаяся, повидимому, еще в XVI в., оказалась довольно устойчивой и в основных своих чертах сохранилась до нашего времени. В такой же мере устойчивой явилась эта граница и в северо-западной части среднеазиатского культурного района — в Хорезме, где на протяжении ряда столетий она совпадала с северными пределами распространения узбекского земледельческого хозяйства в дельте Аму-дарьи.

Взаимоотношения, создававшиеся между узбеками и казахами на протяжении длительного периода их непосредственного соседства, отличались значительной сложностью и до сих пор остаются во многих отношениях неизученными.¹ В основных своих чертах эти отношения определялись,

¹ Известное «Исследование о касимовских царях и царевичах» акад. В. В. Вельяминова-Зернова (ч. II, СПб., 1864) до сих пор продолжает оставаться единственной серьезной работой, широко затрагивающей вопрос о казахско-узбекских отношениях в ранний период. Труд Вельяминова-Зернова, уже давно нуждающийся в дополнениях на основании вновь открытых источников, до сих пор не находит, к сожалению, продолжателей.

конечно, характером и особенностями хозяйственного уклада обоих народов. Полунатуральное кочевое скотоводческое хозяйство казахов испытывало потребность в текстильных изделиях и прочей продукции городской ремесленной промышленности оседлых районов, нуждавшихся, в свою очередь, в скоте и сырье, которые производились в изобилии кочевой скотоводческой периферией.¹

Такого рода обычные для многих районов Азии экономические отношения между кочевниками и оседлыми по временам нарушались возникавшими феодальными войнами, носившими обыкновенно характер взаимных опустошительных набегов. По прекращении военных действий между районами снова восстанавливались обычные экономические взаимоотношения, основанные на обоюдной заинтересованности каждой из сторон.

Развитие капитализма в Европе и России и постепенное распространение его на Восток не могли, разумеется, не отразиться и на Средней Азии, вовлекавшей постепенно в сферу международного товарного обмена и приспособлявавшей свое хозяйство к запросам внешнего рынка, насколько это вообще было возможно для страны, сохранявшей в более или менее неизменном виде свои докапиталистические формы производства.

Одно из видных мест в качестве контрагентов в среднеазиатской международной торговле на протяжении последних столетий занимали местные феодалы, посылавшие, как известно, под видом «посольств» людей с своими товарами и обогащавшиеся, таким образом, за счет сбыта продукции, поступающей к ним отчасти в виде натурального налога с ремесленников и земледельцев.

По мере расширения международного, главным образом российского, рынка, предъявлявшего, уже начиная с первой половины XVIII в., усиленный спрос на среднеазиатские товары и сырье,² потребности местного феодала и торговца-ростовщика начинают заметно возрастать, вызывая за собою усиление феодально-ростовщической эксплуатации непосредственного производителя и соответствующую перестройку экономических отношений внутри страны. Постепенный переход от натуральной ренты к денежной,

¹ Для иллюстрации можно сослаться на автора «Михман-намэ-и-Бухара» Фазлаллаха б. Рузбехана (нач. XVI в.), который сообщает, что узбекский хан Шейбани (1500—1510), желая наказать казахов, запретил жителям оседлых районов продавать казахским купцам текстильные изделия (см. «Михман-намэ-и-Бухара», соч. Фазлаллаха б. Рузбехана. Ркп. Гос. Публ. библ. УзССР, лист 796). (Цит. по фотокопии ИВ.) Подобная же мера наказания (закрытие рынков) применялась в позднейшее время хивинскими ханами по отношению к туркменам.

² К первой половине XVIII в. относится, как известно, основание Оренбурга, в значительной мере способствовавшего развитию среднеазиатско-российской торговли.

наблюдающийся в среднеазиатских ханствах уже в начале XIX в., является наиболее ярким показателем происходивших здесь социально-экономических сдвигов. Так же, как и в других странах в эпоху разложения феодализма, в Средней Азии, и особенно в Бухаре, в рассматриваемое время наблюдается усиленный рост крестьянских восстаний, жестокими мерами подавлявшихся местными феодалами.¹

В качестве некоторой иллюстрации к имеющейся уже в литературе характеристике торговой деятельности среднеазиатских феодалов² можно указать на сообщение одного из ферганских историков о торговле Алим-хана Кокандского (1799—1809) с Россией.³

Указанный историк, между прочим, рассказывает, что снаряженный ханом торговый караван состоял из 300 верблюдов с товарами, «подходящими для России», и был отправлен в начале 1809 г. с доверенными людьми на Ташкент для дальнейшего следования к русским границам.⁴

В соответствии с интересами развивающегося торгово-ростовщического капитала, тесно связанного с ростом внешней торговли, менялась и политика среднеазиатских ханов как по отношению к окружавшим их мелким феодальным владениям, так и степной периферии. Начавшийся во второй половине XVIII в. процесс «собираения земли» закончился к концу того же столетия, как известно, образованием трех среднеазиатских ханств: Бухарского, Хивинского и Кокандского, представлявших собою уже довольно значительные политические объединения, проявившие затем тенденцию к дальнейшему расширению своей территории за счет кочевой периферии. В отношении последнего обстоятельства весьма показательной является, в частности, политика хивинского хана Мухаммед Рахима (1806—1825), который на протяжении большей части своего царствования вел почти непрерывные войны с туркменами, каракалпаками и казахами.

В качестве одного из оправдательных мотивов, побуждавших якобы Мухаммед Рахима к завоеванию казахских и туркменских районов, хивин-

¹ Более подробные данные по этим вопросам см. П. П. Иванов, Восстание кытай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг., Тр. Инст. Востоковед. Акад. Наук, XXVIII, М.—Л., 1937, стр. 33 и сл.

² Ср., напр., П. И. Небольсин, Очерки торговли России с Средней Азией, Зап. Русск. Геогр. общ., кн. X, СПб., 1855, стр. 4—5.

³ Тарих-и-Шахрохи, соч. Моллы Нияз Мухаммед бен Ашур Мухаммед, хокандца, изданная Н. Н. Пантусовым. Казань, 1885, стр. 76 (перс. текст).

⁴ Из дальнейшего рассказа автора (цит. соч., стр. 80) видно, что в связи с наступившими политическими событиями и смертью хана караван из Ташкента дальше отправлен не был.

ские историки Мунис и Агехи указывают на нападения туркмен, казахов и каракалпаков на торговые хивинские караваны.¹

Помимо обеспечения безопасности торговых путей, завоевание кочевой периферии представляло для среднеазиатских феодалов значительные выгоды с точки зрения пополнения своих товарных ресурсов, что достигалось, с одной стороны, путем массового военного грабежа кочевников во время степных походов, с другой — путем систематического изъятия прибавочного продукта в виде закята и других сборов, взимавшихся с кочевого скотоводческого населения.²

Грабежи и завоевательные походы хивинских ханов распространялись, как уже указывалось, на западе на весь район современной Туркмении,³ а на севере они доходили до низовьев Сыр-дарьи, охватывая, таким образом, все левое побережье этой реки в нижнем течении.

Значительная масса соседнего казахского населения, занимавшая правый берег Сыр-дарьи с прилегавшим к нему обширным районом на востоке, подпала под власть кокандских ханов, выступивших здесь впервые в начале XIX в. и распространивших к середине того же столетия свое господство до границ Западного Китая.

Предполагая в дальнейшем остановиться на рассмотрении известий ферганских источников по вопросам казахско-кокандских и кокандско-киргизских отношений в XIX в., автор рассматривает настоящий свой краткий очерк в качестве первой части намечаемого исследования, в задачу которой входит характеристика лишь первых шагов кокандской территориальной экспансии в казахские степи и горные районы Киргизии.

Исчерпывающая характеристика кокандской колонизации Дашти-и-кипчака,⁴ так же как и Киргизии, при современном неудовлетворительном состоянии среднеазиатской историографии вряд ли вообще возможна. История Кокандского ханства разработана чрезвычайно слабо. Почти все

¹ Обширные извлечения из хивинских хроник по вопросу о хивинско-туркменских отношениях при Мухаммед Рахиме (в русском переводе) приводятся мною во II томе «Материалов по истории туркмен и Туркмении», изданном Институтом Востоковедения Академии Наук СССР в текущем (1938) году. Подробное исследование хивинских хроник и прочих восточных источников по вопросу о казахско-хивинских отношениях в XVIII—XIX вв. составляет в настоящее время одну из задач автора, которую он надеется завершить в течение ближайшего времени.

² Подробнее об этом см. П. П. Иванов, Очерк истории каракалпаков. Тр. Инст. Востоковед. Акад. Наук, т. VII, Лгр., 1935, стр. 77 и сл.

³ На почве раздела туркменской территории хивинские ханы, как показывают хивинские хроники, иногда сталкивались с Бухарой, также стремившейся укрепить здесь свое господство.

⁴ Обычное название казахских степей у ферганских и хивинских историков.

имеющиеся сочинения Ферганских историков до сих пор продолжают оставаться в рукописном виде, будучи представлены нередко всего одним — двумя списками, разбросанными при этом в разных книгохранилищах нашего Союза и потому мало доступными для отдельного исследователя. Таким образом работе по изучению истории Кокандского ханства должна предшествовать предварительная работа по выявлению и критическому исследованию имеющихся рукописных источников, к чему, однако, до сих пор почти еще не приступлено.¹

В такой же мере разбросанными и неразработанными являются материалы, характеризующие политическое и социально-экономическое положение казахско-киргизских районов к моменту начала их колонизации Кокандским ханством.

Не задаваясь здесь непосильной для отдельного лица задачей выполнить в ограниченный срок работу, доступную для коллектива, автор ставит перед собой целью освещение лишь некоторых отдельных моментов ранней истории казахско-кокандских отношений, или не получивших пока достаточного отражения в имеющейся исторической литературе, или освещавшихся недостаточно удовлетворительно с точки зрения современных научных требований.

II

Прежде чем переходить к непосредственно занимающей нас теме о кокандско-казахских отношениях в начале XIX столетия, необходимо предварительно коснуться в общих чертах истории их взаимоотношений за предшествующий период, без чего не может быть правильно понято ни значение описываемых ниже событий 1799—1809 гг., ни влияние их на позднейшую историю Южного Казахстана и Киргизии.

Обособление Ферганы в самостоятельную политическую единицу, получившую впоследствии наименование Кокандского ханства, относится, как известно, ко второй половине XVIII столетия.² До этого периода Фергана существовала в качестве составной части Бухарского ханства, хотя и не лишенной, в силу своего изолированного положения, известной доли политической самостоятельности. Территория вновь возникшего ханства

¹ Для истории Кокандского ханства и характера его территориальной экспансии на северо-восток имеют значение не только рукописные сочинения, но и документы, собранные в настоящее время в значительном количестве в Центроархиве Узбекистана и также до сих пор не подвергавшиеся разработке.

² Ср. «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», год XX, Ташкент, 1915, стр. 86 и сл.

до начала XIX в. ограничивалась одной только Ферганской долиной и притом, повидимому, только центральной ее частью, тогда как на северо-востоке долины еще в середине XVIII в. продолжали господствовать киргизские правители.¹ Из сохранившихся документов, относящихся, в частности, к первой половине XVIII в., видно, что некоторое влияние на ферганские дела в этот период оказывали также казахские ханы Старшей (Большой) и Средней Орды, один из которых, Шигай, владел даже районом Намангана в 1748 г.² Наряду с этим бесспорным фактом имеется также заслуживающее внимания свидетельство ташкентского жителя Нур Мухаммеда, сообщавшего в 1735 г. в Уфе о том, что один из ферганских узбекских правителей Рахим-бий являлся в это время распорядителем половины Ташкентской области, господство над которой принадлежало тогда казахскому хану Юлбарсу, сыну Абдуллы, брату известного хана Младшей Орды Абулхайра.³ При крайне неудовлетворительном состоянии имеющихся сведений даже по вопросам политической истории Ферганы XVIII столетия трудно в данном случае установить точные хронологические рамки и устранить неясности, вызываемые приведенными двумя свидетельствами. Оба сообщаемые факта могут, однако, служить подтверждением высказанной выше мысли о том, что политическая власть в районах непосредственного соседства узбеков и казахов на северо-восточных окраинах Средней Азии вообще была неустойчивой и часто переходила из рук в руки.

Характерно также, что упоминания о Ташкенте с окружающей его казахской периферией впервые встречаются в ферганских источниках только при описании событий последних лет XVIII в., хотя действия ферганских правителей XVIII столетия вообще описываются местными историками довольно подробно. Вряд ли, однако, из этого факта можно сделать тот вывод, что ферганские правители не сталкивались вообще с Ташкентом на протяжении своей деятельности в XVIII в.

Приведенные выше краткие сообщения о Шигай-хане и Рахим-бие показывают, что сношения между Ферганой и районами к северу от нее в это время существовали. Однако в связи с политической раздроблен-

¹ Там же, стр. 115—118.

² Там же, стр. 75, 114—115.

³ Добросмыслов, А. И. Ташкент в прошлом и в настоящем. Исторический очерк. Вып. 1, Ташкент, 1911, стр. 19; ср. также «Протоколы», цит. соч., стр. 81. Ферганскими источниками сообщение Нур Мухаммеда не подтверждается. Попутно отметим, что сообщенный Добросмысловым впервые рассказ Нур Мухаммеда представляет значительную ценность как для истории Ташкента, так и казахов в первой половине XVIII в. По имеющимся данным, Юлбарс (казахское произношение — Жолбарс) управлял в качестве вассала калмыцких князей. Бартольд, В. В. История культурной жизни Туркестана. Лгр., 1927, стр. 105.

ностью Ферганы и замкнутым характером ее хозяйства, слабо затроутого товарно-денежными отношениями, местные правители XVIII в. не могли еще ставить перед собой такой сложной задачи, как овладение Ташкентским оазисом и окружавшей его обширной казахской периферией.

Лишь в последние годы названного столетия, когда завершавшийся уже процесс формирования внутреннего рынка вызвал за собою окончательное объединение Ферганы под властью одного правителя, начинают предприниматься первые серьезные шаги к расширению за счет соседних районов.

Начавшаяся в первом десятилетии XIX в. кокандская экспансия на север представляла собою, по существу, некоторого рода попытку примирения тех глубоких классовых противоречий, какие назрели уже к этому времени внутри местного феодального общества, в первую очередь между крупным феодальным землевладением, с одной стороны, и массой зависимого крестьянства — с другой. Политика внешнего грабежа, разумеется, могла в лучшем случае лишь несколько отдалить назревавший внутренний кризис, но не предотвратить его. Это подтверждается и дальнейшей историей Кокандского ханства, вступившего уже в первой половине XIX в. в полосу глубоких потрясений, не изжитых им вплоть до последнего момента своей политической самостоятельности.

Упоминая в первый раз о Ташкенте, кокандский историк Мухаммед-хаким, между прочим, отмечает, что там за некоторое время до описываемых событий (конец XVIII в.) правил некий Бахадыр-Ферман, из рода Чингиза.¹ В чагатайском переводе труда Мухаммед-хакима, представляющем собою несколько иную редакцию, указывается, что этот правитель Ташкента носил имя Ферман-бахадыра и принадлежал к числу ханов из рода Чингиза.² Иначе говоря, кокандскими источниками подтверждается имею-

¹ Мунтахаб-ат-таварих, соч. Мухаммед-хаким-хан-тöre. Персидский оригинал, рукопись Института Востоковедения Акад. Наук С 470, л. 357а. Персидские рукописи Мунтахаб-ат-таварих до сих пор никем не описывались, хотя, казалось бы, они должны были пользоваться бóльшим вниманием со стороны ориенталистов, чем общеизвестный чагатайский перевод того же сочинения. В настоящее время из персидских рукописей Мунтахаб-ат-таварих две известны в Ленинграде и столько же в Ташкенте.

² Чагатайский перевод Мунтахаб-ат-таварих, рукопись Инст. Востоковед. Акад. Наук Д. 90, л. 258а. Описание некоторых рукописей чагатайского перевода Мунтахаб-ат-таварих см. Каль, Е. «Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки», Ташкент, 1889, стр. 60—65; а также «Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères. VIII. Manuscrits turcs de l'Institut des langues orientales décrits par W. D Smirnow, St. Pétersh., 1897, pp. 150—155; также Паливкин, В. «Краткая история Кокандского ханства», Казань, 1886, стр. I—II.

щееся уже в литературе сообщение о том, что Ташкентом во второй половине XVIII в. управляли казахские ханы.¹

Когда Ферман-бахадыр умер, власть в Ташкенте перешла, по словам Мухаммед-хакима, в руки местных ходжей, вступивших в борьбу за власть между собою, вследствие чего в городе возникли серьезные волнения.² После долгой борьбы власть перешла, наконец, к ходже Юнусу, воспользовавшемуся при этом поддержкой одного из видных ферганских сановников и ишанов, Хан-ходжи, управлявшего в то время на правах кокандского вассала Ходжендом. О помощи, оказанной Юнус-ходже ходженским правителем («владельцем») Хан-ходжой, кроме ферганских авторов, упоминает также Поспелов, посетивший Ташкент (вместе с Бурнашевым) в 1800 г. и оставивший весьма интересное и обстоятельное описание этого города.³

Овладев Ташкентом, Юнус-ходжа, по словам ферганского историка, подчинил себе вскоре также весь Дашт-и-кипчак, т. е. казахские степи.⁴ Из сообщения Поспелова видно, что завоевание Юнус-ходжой казахских степей было завершено в 1798 г.⁵ Из этих же данных устанавливается, что власть ташкентского правителя ограничивалась территорией Старшей

¹ Ср. Левшин, А. «Описание Киргиз-кайсацких орд и степей». Ч. II, СПб., 1832, стр. 80 и сл. Имя последнего представителя казахских ханов Ташкента, названного здесь Ферман-бахадыром, в русских источниках, насколько известно, не встречается. Впрочем, В. В. Бартольд упоминает о каком-то Бахадур-беке, считая, что он был «вероятно, из узбеков» (цит. соч., стр. 105).

² Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 347а, ркп. Д. 90, л. 257б. Ташкентские ходжи считались потомками известного шейха XIV в. Хавенд-Тахура. О нем см. Семенов, А. А. «Ташкентский шейх Хавенд-Тахур (Шайх-Антаур) и приписываемый ему „кулях“, «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», год XX, Ташкент, 1915, стр. 25—31. Обстановка, при которой совершился захват власти Юнус-ходжой, отчасти описывается в отмечаемой ниже литературе. Сообщая вкратце о правлении ходжей, Наливкин (цит. соч., стр. 73) утверждает, что Ташкент в это время номинально находился в зависимости от Бухары, что, однако, не подтверждается ни ферганскими, ни бухарскими источниками. Еще менее вероятным представляется утверждение Добросмыслова (цит. соч., стр. 23) о захвате Ташкента Шах-Мурадом бухарским (1785—1800). Относительно прошлого ташкентских ходжей см. также В. В. Бартольд, цит. соч., стр. 104—105.

³ Полный текст отчета о поездке Поспелова и Бурнашева опубликован Я. Ханыковым в «Вестн. Русск. Геогр. общ.» на 1851 г., часть I, кв. 1, отд. VI, стр. 1—44, с некоторыми примечаниями (стр. 44—56). Еще ранее отчет в подробном изложении был опубликован в «Сибирском вестнике», издававшемся Г. Спасским, за 1818 г., часть четвертая, СПб., 1819, стр. 124—180, хотя Я. Ханыков почему-то отмечает, что «замечания Поспелова и Бурнашева не были еще обнаружены» (стр. 44) Перепечатка отчета (неполная) имеется также в цитированной выше книге Добросмыслова, стр. 24—37.

⁴ Мунтахаб-ат-таварих, рукопись С 470, цит. место.

⁵ Вестник Русск. Геогр. общ., стр. 22

(Большой) Орды до района Чимкента на северо-востоке и Туркестана на севере включительно.¹

История Ташкента в период правления Юнус-ходжи отчасти освещена в литературе,² хотя значительное число сообщаемых на этот счет сведений нуждается в проверке и требует дополнений.

В частности, значительные неясности существуют также в вопросе о методах распространения власти Юнус-ходжи на Казахские степи и о степени его влияния на жизнь казахов. Говоря о том, что подчинение казахов было совершено «без кровопролития», источники в то же время сообщают о необычайно жестоких средствах, употреблявшихся ташкентским правителем в войне с казахами.³ Закончив завоевание ближайших к Ташкенту казахских районов и уничтожив в Старшей Орде ханское звание,⁴ Юнус-ходжа, повидимому, избегал в дальнейшем вмешиваться во внутреннюю жизнь казахских племен, предоставив управление ими биям и ограничиваясь сбором закята. Для упрочения своего влияния на степи Юнус-ходжа держал у себя в качестве заложников наиболее влиятельных лиц из казахов.⁵ Из отчета названных выше путешественников видно, что казахские степи играли в рассматриваемое время значительную роль также в торговле Ташкента.

Караваны из Ташкента отправлялись не только в Россию, но и в степь, сбывая здесь свои товары, состоявшие, главным образом, из бумажных и шелковых материй, и получая взамен скот.⁶ Казахи Средней Орды от Юнус-ходжи не зависели и даже совершали нападения на ташкентские торговые караваны.⁷

¹ Там же, стр. 29. Город Туркестан, по словам автора, перешел во власть Юнус-ходжи в 1799 г. (там же).

² Помимо указанных выше материалов см. об этом также Малицкий, Н. Г. «Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие», в газ. «Туркест. ведом.» за 1898 г. № 88—91; его же, «К истории Ташкента под кокандским владычеством», в Протоколе № 4 заседания Турк. кр. люб. археологии от 11 декабря 1900 г., стр. 127—128; также Диваев, А., «Предание о возникновении азиатского города Ташкента», там же, стр. 145—151; также. Терентьев, М. «Загадочный таарих», Протоколы засед. etc., год IV, Ташкент, 1899, стр. 80—86. Источников на среднеазиатских языках по истории правления Юнус-ходжи до сих пор не обнаружено.

³ Вестн. Русск. Геогр. общ., цит. соч., стр. 21—22, 42; Терентьев, М. А. История завоевания Ср. Азии, т. I, СПб., 1906, стр. 87—88. По словам русских документов, Юнус-ходжа приказывал всем пленным казахам рубить головы и складывать их в пирамиды — прием, как известно, нередко употреблявшийся свирепыми завоевателями Азии.

⁴ Вестн. Русск. Геогр. общ., цит. соч., стр. 5.

⁵ Там же, стр. 43.

⁶ Там же, стр. 38.

⁷ Там же, стр. 39.

Войска Юнус-ходжи, как указывают сохранившиеся предания,¹ состояли, главным образом, из казахов, что подтверждается также свидетельством современников² и кокандскими источниками.³ Роль казахов в качестве военного элемента особенно возрастала вследствие явно враждебных отношений между Юнус-ходжой и оседлым узбекским населением Ташкента,⁴ являвшихся, повидимому, результатом внутренних противоречий между правящей группой ходжей и основной массой жителей.

Период господства Юнус-ходжи нашел весьма своеобразное отражение в одном из позднейших казахских преданий, согласно которому Юнус-ходжа «из племени гальча» состоял на службе казахского бия Туле Али-бекова, владевшего будто бы в то время Ташкентом. После смерти Туле бия Юнус-ходжа начал войну с казахами и лет через 15—20 отнял у них Ташкент.⁵

В своих рассуждениях о роли казахов в государстве Юнус-ходжи Поспелов отмечает, что последние «не однажды уже участвовали в помощи ташкентцам против их неприятелей».⁶ Впрочем, из слов того же путешественника видно, что часть войска ходжи, в количестве около шести тысяч человек, состояла, повидимому, из оседлых жителей, организованных «по знаменам, или полкам», численностью от 200 до 1000 человек в каждом. Эти войска носили название *караказанов*, — термин, кажется, единственный раз встречающийся в литературе вообще и потому крайне неясный. Характерной чертой караказанов являлось использование их не только в качестве военной силы, но и для личных услуг ходжей, в частности на сельскохозяйственных работах на принадлежавших ходжам землях,⁷ вследствие чего караказаны освобождались от всякого рода прочих податей и повинностей.

¹ Диваев, А., цит. статья, стр. 151. Указываются роды: *канглы, санычклы (чанышклы), багыс и рамадан*.

² Вестн. Русск. Геогр. общ., цит. соч., стр. 42.

³ О них см. ниже.

⁴ Малыцкий, Н. Г. К истории Ташкента etc., стр. 127—128; также Диваев, А., цит. соч., стр. 150.

⁵ Гродеков, Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 25.

⁶ Вестн. Русск. Геогр. общ., цит. соч., стр. 42.

⁷ Там же, стр. 33—36. Термин *караказан* один раз встречается в сочинении Мухаммед-хакима (Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 472б) при описании событий царствования Омар-хана (1809—1823). Из слов кокандского историка можно установить, что под караказанами в Фергане разумелось ополчение, набиравшееся в военное время и носившее обычно название *кылкуйрук*. Караказаны ферганским автором противопоставляются *нукерам*, представлявшим собою постоянное войско кокандских феодалов и занимавшим положение, приблизительно тождественное ташкентским *караказанам*.

Жалования караказаны не получают, добывая себе средства сельским хозяйством и ремеслами.¹

В военное время в Ташкенте, как и в других среднеазиатских ханствах, собиралось ополчение, численность которого простиралась до 30 тыс. человек из городского населения и столько же из казахов.²

Ограничивая на этом свои краткие замечания о политическом устройстве Ташкентского государства Юнус-ходжи, более подробные сведения о котором содержатся в указанной выше литературе, перейдем теперь к такому же беглому ознакомлению с фактами политической истории Кокандского ханства, насколько это необходимо для наших целей.

Заметим попутно, что вопрос о кокандско-ташкентских отношениях, как это будет показано дальше, в литературе уже отчасти рассматривался.

Однако вопрос этот трактовался почти исключительно в связи с историей Ташкента, игравшего, как известно, выдающуюся роль в новейшей истории Средней Азии, уже начиная с первой половины XIX в., и вызывавшего поэтому к себе довольно значительный, хотя до сих пор еще далеко недостаточный, интерес со стороны историков. Что касается казахов, занимавших чрезвычайно важное место в политической и экономической жизни Ташкента и его района, то роль их остается до сих пор почти неучтенной. В дальнейшем своем изложении мы постараемся этот пробел восполнить, насколько это позволяют доступные в настоящее время материалы.

Вопреки высказывавшемуся ранее в литературе мнению о том, что «история Ферганы со времени Алим-хана нам хорошо известна во всех деталях»,³ приходится, с сожалением, отметить, что период правления Алим-хана известен нам лишь из вторых или третьих рук, так как современниками ничего по этому поводу написано не было. Единственное, пока известное нам, исключение представляют записки Абдул-Керима Бухарского, составленные им в Стамбуле в 1233/1818 г.⁴ Однако сведения этого автора о кокандских делах настолько кратки, что не дают даже самой общей картины.

Все ферганские исторические сочинения писались не ранее конца первой половины XIX в., когда память о многих событиях интересующей нас эпохи уже сгладилась и когда восстановление многих второстепенных

¹ Вестн. Русск. Геогр. общ., цит. соч., стр. 31.

² Там же, цит. соч., стр. 37. Общую численность населения г. Ташкента Поспелов определяет в 10 тысяч домов, с 40 тысячами жителей мужского пола (стр. 29).

³ Протоколы, год XX, цит. соч., стр. 69.

⁴ Histoire de l'Asie Centrale par Mir Abdoul Kerim Boukhary, publié, traduit et annoté par Charles Schefer. Texte persan. Paris, 1876, pp. 94—99.

фактов оказывалось уже затруднительным. С этим обстоятельством связана и скудость фактического материала, и почти полное отсутствие хронологических данных в части интересующего нас периода. Не свободен от этих недостатков и самый ранний из Ферганских источников — уже цитировавшееся выше сочинение «Мунтахаб-ат-таварих» Мухаммед-хакима, оказавшее значительное влияние, повидимому, на большинство позднейших историков Кокандского ханства.

Первое крупное военное столкновение между Ташкентом и Кокандским ханством относится к началу правления Алим-хана, датируемого обычно 1800 г.¹ Однако сомнения, высказанные в свое время в научной литературе² относительно достоверности этой даты, до сих пор являются не вполне устраненными, хотя предшествующие работы вообще в значительной степени облегчают разрешение данного вопроса.³

Не отвергая целиком высказывавшегося ранее мнения о том, что вопрос о точной дате восшествия на престол Алим-хана остается пока открытым, следует, однако, отметить, что 1213 г. х., к которому относит данное событие Нияз-Мухаммед,⁴ подтверждается и другими имеющимися в нашем распоряжении данными, а потому должен быть принят. К такому выводу еще в 1927 г. склонялся В. В. Бартольд, оставивший этот вопрос, однако, нерешенным окончательно. «Основатель Кокандского ханства Алим-хан, — говорит В. В. Бартольд, — повидимому, наследовал своему отцу Нарбуте в 1213 г. х. (1798/99 г. н. э.).»⁵ В. В. Бартольд не поясняет при этом, к сожалению, тех оснований, какие не позволяют ему высказываться за 1213 г. х. в более категорической форме.

С своей стороны заметим, что в пользу указанного года говорят не только приведенное выше сообщение Нияз Мухаммеда, но и неучтенное пока никем свидетельство уже цитировавшегося выше Поспелова.

Если принять во внимание, что выступление кокандских войск против Ташкента состоялось, по свидетельству Мухаммед-хакима, не сразу после восшествия на престол Алим-хана, а лишь после того как хан учинил ряд

¹ Ср. Стэнли Лэн-Пуль, «Мусульманские династии», перев. В. Бартольда, СПб., 1898, стр. 237.

² Протоколы заседаний и сообщения членов Туркест. кружка любит. археологии, год XVIII (1/XII 1912—1 IV 1913), Ташкент, 1913, стр. 102—103.

³ Об одном из источников по истории Ферганы см. также «Протоколы заседаний» etc., год XVIII, стр. 31 и сл.

⁴ Тарих-и-Шахрохи, цит. изд., стр. 40; ср. также «Протоколы», год XVIII, цит. соч., стр. 102—103 (1213 г. х. продолжался с 15 июня 1798 г. по 5 июня 1799 г. н. э.).

⁵ Бартольд, В. В. История культурной жизни Туркестана. Изд. Акад. Наук, Лгр., 1927 г., стр. 114. (Разрядка моя.)

расправ над опасными для него феодалами и некоторое время уже занимался «рассмотрением просьб своих подданных»,¹ то следует признать, что событие это (поход на Ташкент) могло произойти не ранее второй половины 1213 г. х., т. е. уже в 1799 г. н. э. К этому именно году и относит интересующий нас поход Поспелов,² находившийся в Ташкенте в 1800 г.

Какими именно мотивами был вызван поход на Ташкент в 1799 г., источники не сообщают. Повидимому, довольно существенную роль в данном вопросе играл так называемый Кураминский район, занимавший посредствующее положение между Ферганой и Ташкентом и, как сообщает Поспелов,³ уже издавна являвшийся поводом для различного рода «несогласий» между обоими государствами. Под Курамой в географическом смысле подразумевалась, как известно, юго-западная часть б. Ташкентского уезда. Также этот термин толковался и кокандскими авторами XIX в., включавшими в состав Курамы долину Ангрена.⁴

Этнический состав населения Курамы в то время, как и теперь, был смешанный, с преобладанием казахов. Капитан Андреев, описывавший Кураминский район в 1785 г., отмечает, что народ курама обитает за Чирчиком, в числе около 10 тыс. человек, имеет девять городов и подвластен кокандскому беку Нарбуте (отцу Алим-хана).⁵ Таким образом данными капитана Андреева, отчасти, подтверждаются более ранние сведения Нур Мухаммеда о принадлежности кокандским правителям определенной части Ташкентского района в тот период, когда Ташкентом управляли казахские ханы. При Юнус-ходже Курама также входила в состав Кокандского ханства, лишившегося этой территории лишь в результате неудачного похода 1799 г., как это будет указано ниже.

Таким образом из сказанного следует, что отрицать роль Курамы в кокандско-ташкентском конфликте 1799 г. было бы трудно. Однако вряд ли разногласия на почве раздела Курамы могли явиться решающим фактором в деле кокандско-ташкентских отношений. Более существенное значение имели, повидимому, причины общего порядка, как это указывалось уже отчасти выше. В частности, нельзя было бы обойти молчанием значение города Ташкента, являвшегося значительным торгово-промыш-

¹ Протоколы, цит. соч., стр. 104.

² Вестн. Русск. Геогр. общ., цит. соч., стр. 23.

³ Там же, стр. 22.

⁴ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. Д 90, л. 2676.

⁵ Аристов, Н. И. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. Живая старина, год VI, вып. III и IV, СПб., 1896, стр. 386. Здесь же подробнее об этническом составе кураминского населения.

ленным центром и игравшего уже в это время крупнейшую посредническую роль в торговле Средней Азии как с Россией, так и с казахскими степными районами.

III

Ферганские источники сообщают, что, задумав разграбить Ташкент, Алим-хан направил двух своих начальников с войсками к Ходженту, которым управлял в это время на правах ханского вассала уже упоминавшийся выше ишан Хан-ходжа («ходжентский владелец»). Присоединив прибывшие отряды к своим войскам, Хан-ходжа направился, по приказанию хана, против Ташкента.¹

Имющиеся в нашем распоряжении сведения о действиях кокандцев за время этого похода чрезвычайно кратки. Мухаммед-хаким рассказывает, что, прибыв в Кураму, Хан-ходжа расположился в долине Ангрена на отдых, а на следующий день на рассвете кокандцы приблизились к Ташкенту и занялись грабежом окрестных жителей² как оседлых, так и кочевых.³

Юнус-ходжа, узнав о нападении кокандцев, выступил против них с большим войском. На берегах Кара-су, недалеко от Чирчика,⁴ Юнус-ходжа зашел в тыл неприятелю и нанес ему решительное поражение. Хан-ходжа был пойман во время бегства и казнен, по приказанию Юнус-Хаджи, с 70 другими кокандскими начальниками.⁵

Об этом же событии рассказывает и Пospelов, принимающий Хан-ходжу за кокандского хана. «В 1799 г., — пишет Пospelов, — кокандский владелец Хан-ходжа, приблизившись с своим войском к городу Ташкенту, надеялся, может быть, сделать более, нежели сколько успел. Юнус-ходжа, не допустив его, вышел с своим войском. Отчаянное сражение последних,

¹ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 366б; ср. Протоколы etc., год XVIII, цит. соч., стр. 104—106.

² Там же, цит. рукоп., л. 367а.

³ Тухфет-ат-таварих-и-хани, сочинение муллы Аваз Мухаммеда, рукопись Института Востоковедения Акад. Наук, С 440, л. 91а. Попутно отметим, что для изучения истории Кокандского ханства данное сочинение до сих пор никем не использовано. Кажется единственное упоминание об этом сочинении в литературе принадлежит В. В. Бартольд, который, повидимому, ошибочно принял этот труд за второй том (продолжение) сочинения «Джеханнама» того же автора (см. «Зап. Вост. отд. Русск. Арх. общ.», т. XV, стр. 272—273). В действительности Тухфет-ат-таварих-и-хани представляет собою вполне самостоятельное сочинение по истории Ферганы со времени Бабур (XVI в.) до убийства Малля-хана в 1278/1862 г.

⁴ Вместо общепринятого в настоящее время «Чирчик» Мухаммед-хаким пишет всюду «Чилчик». Аваз Мухаммед упоминает о Чирчике под его средневековым иранским названием Фарак, отмечаемым В. В. Бартольдом в форме Парак и даже Парк (?). См. Бартольд, В. В. «К истории орошения Туркестана», СПб., 1914, стр. 139.

⁵ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 347а-б, ркп. Д 90, л. 267а и сл.

чтоб защищать город и следственно жизнь свою, было превыше всех усилий Хан-ходжи. При робости хотя и превосходного числом кокандского войска ташкентцами одержана победа. Она еще и тем увеличена, что кокандский владелец со многими чиновниками и другими людьми попал в плен; остальное же войско спаслось бегством.¹

Решив после поражения кокандско-ходжентского войска «распространить успехи своего оружия», Юнус-ходжа двинулся со своими силами на Кураму и, повидимому, без труда присоединил ее к своим владениям.²

Во время пребывания Пospelова и Бурнашева в Ташкенте в 1800 г. Курама уже входила в состав государства Юнус-ходжи. В Кураме в это время насчитывалось 10 селений.³

Таким образом первое военное мероприятие Алим-хана, направленное им в 1799 г. против Ташкента, закончилось неудачей. Результатом его явилась не только потеря Курамы, но и утрата кокандцами Ходжента, занятого после гибели Хан-ходжи одним из местных феодалов.⁴

Дальнейшим ответным шагом со стороны Юнус-ходжи явилось вторжение его в пределы Ферганской долины, о чем имеются сообщения не только со стороны кокандских историков, но и Пospelова, свидетельство которого до сих пор оставалось неучтенным.

Хотя ферганские историки единодушно утверждают, что в основе выступления Юнус-ходжи лежала его «глупость» и преувеличенное представление о своем могуществе,⁵ следует все же отметить, что поход ташкентского правителя совпадал, повидимому, не случайно, с целым рядом тревожных событий как внутренне-, так и внешнеполитического характера, переживавшихся в этот момент Кокандским ханством. Борьба с центробежными тенденциями отдельных феодалов внутри страны значительно осложнялась также войной за Ходжент, возвращения которого в это время Алим-хан безуспешно домогался.⁶

¹ Вестн. Русск. Геогр. общ., цит. соч., стр. 23. Здесь же автор подтверждает сведения Мухаммед-хакима о казни Хан-ходжи и его приближенных в Ташкенте. Возможно, что посылка Хан-ходжи в Ташкент с недостаточными силами была преднамеренной, так как Алим-хан хотел избавиться от этого нежелательного для него феодала, привыкшего действовать независимо от кокандских правителей еще задолго до воцарения Алим-хана.

² Там же, цит. соч., стр. 23.

³ Там же, стр. 29. Речь идет, очевидно, о тех же пунктах, которые цитировавшийся выше капитан Андреев называл «городами».

⁴ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 367б, ркп. Д 90, л. 268а; ср. также Протоколы etc., цит. соч., стр. 105.

⁵ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 370а.

⁶ Подробнее об этом см. Наливкин, цит. соч., стр. 79—81; также Протоколы etc., цит. соч., стр. 105—107.

Рассчитывая, повидимому, использовать в своих интересах создавшееся положение¹ и вступив в соглашение с правителем Ходжента, Юнус-ходжа в конце лета 1800 г. направился со своими войсками в Фергану.

«В 1800 году, — рассказывает Пospelов, — Ташкентский владетель паки собрал свое войско, присоединя к оному подвластных ему киргизцов, пошел против кокандцев».² Подойдя к пределам Ходжента, где находился в это время особый правитель, Юнус-ходжа заключил с ним, по словам того же автора, союз, целью которого являлись совместные действия против общего врага — кокандского хана.³

Ферганские авторы, не упоминающие о заключении союза между Юнус-ходжой и ходжентским правителем, рассказывают о походе ташкентцев следующим образом.

Надумав овладеть Коканом, Юнус-ходжа собрал войско из казахов и направился «кураминской дорогой» в Фергану. Перевалив через горы, ташкентцы подошли к Ашту, расположенному километрах в 15 от Сыр-дарьи по ее правому берегу, несколько севернее переправы у Гурум-сарая (в районе Коканда).⁴ Получив сведения о движении ташкентцев, Алим-хан приказал Раджабу-диванбеги, отправленному им в это время для осады Ходжента, выступить для отражения наступающего неприятеля.⁵

Кокандские войска незаметно для своего противника переправились на правый берег Сыр-дарьи у Гурум-сарая и неожиданно напали на ташкентцев, направлявшихся в это время к переправе. Описывая ход сражения под Гурум-сараем, мулла Нияз Мухаммед⁶ называет войска Юнус-ходжи «войском Дашт-и-кидчака» и говорит собственно только о казахах,

¹ Ср. по этому поводу «Протоколы», цит. соч., стр. 107, примеч. 21.

² Вестн. Русск. Геогр. общ., цит. соч., стр. 23. Возвратился Юнус-ходжа из своего ферганского похода в сентябре (см. цит. выше «Сибирский вестник», издававшийся Григорием Спасским, 1818 г., ч. IV, СПб., 1819, стр. 124—125). Ни Наливкин, ни другие авторы, говорящие в своих работах, между прочим, и о данном событии, не касаются вопроса о его дате. В ферганских источниках этот вопрос также обходится молчанием, если не считать одной посторонней приписки в ркп. С 470 (л. 372б), согласно которой это событие могло произойти около 1221 (1806—1807 г.), что, однако, целиком опровергается приведенными выше словами современника и очевидца событий — Пospelова.

³ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, лл. 370б—371а, ркп. Д 90, л. 270а. Наливкин (стр. 81), а вслед за ним и другие авторы (Протоколы, стр. 107), между прочим, неосновательно утверждают, что командование ташкентским войском было передано Юнус-ходжой своему сыну Хашим-ходже.

⁴ Ашт нанесен на 40-верстную карту.

⁵ Мунтахаб-ат-таварих, С 470, л. 371а.

⁶ Тарих-и-Шахрохи, цит. изд., стр. 59—61.

из чего можно заключить, что прочие национальности, населявшие Ташкент и его район, в битве при Гурум-сарая не участвовали вовсе. Среди казахских племен, находившихся в это время в составе войск Юнус-ходжи, отдельно упоминается племя санычклы, игравшее, судя по словам автора, наиболее активную роль.

Выстроив свои ряды против войска Раджаба-дивинбеги, казахи вступили в сражение, будучи, по словам автора, введены в заблуждение Юнус-ходжой, уверявшим их будто бы в том, что кокандцы сопротивляться им не намерены и что, наоборот, они даже ждут их, чтобы с их помощью освободиться от своего хана.

Услышав, однако, стрельбу кокандских пушек и увидев большое приближающееся кокандское войско, казахи, по словам историка, почувствовали себя обманутыми, хотя и не покинули поля сражения. После длительного и упорного боя кокандцам удалось разъединить силы противника на две части, каждая из которых подвергалась нападению со всех сторон. Увидя, наконец, бесполезность дальнейшего сопротивления, «войска Дашт-и-кипчака» пустились в бегство.¹ Юнус-ходжа бежал с несколькими своими приближенными в Ташкент, бросив свое имущество и казну.²

Жители кишлаков, через которые бежали разбитые казахи, отнимали у последних лошадей и даже одежду. Часть беглецов попала в плен и была направлена в хавскую ставку. Здесь их кое-как одели и направили в столицу ханства на потеху праздной толпе, а затем посадили в тюрьму.³

Возвратившись после победы над Юнус-ходжой в Коканд, Алим-хан роздал здесь награды своим войскам и их начальникам.⁴

Таким образом рассказы ферганских историков, особенно Нияз Мухаммеда, показывают, что единственной военной опорой Юнус-ходжи в его борьбе с Кокандом являлись казахи, составлявшие основной контингент его вооруженных сил.

Естественно поэтому возникает вопрос, каким путем было достигнуто привлечение такой значительной массы казахских наездников на сторону вполне чуждого, если не враждебного им ташкентского правителя. Прямого ответа на этот вопрос в наших источниках не встречается; однако

¹ Там же, стр. 61—62.

² Там же, цит. место, а также Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 372а, Д 90, л. 270а.

³ Там же, стр. 63.

⁴ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 372б, ркп. Д 90, л. 271а. По словам Поспелова (Вестник, цит. соч., стр. 23) сражение между кокандцами и ташкентцами ограничилось перестрелкой через реку (Сыр-дарью), которую будто бы ни та, ни другая сторона «по неискуству своему» не решилась форсировать.

едва ли можно сомневаться в том, что существенную роль в этом деле могли сыграть бии, батыри и прочие представители казахской феодально-племенной знати, получившие в результате указанных выше мероприятий со стороны Юнус-ходжи (ликвидация ханской власти и пр.) значительную независимость в деле управления подчиненными им родами и поэтому охотно поддерживавшие влияние и власть ташкентского правителя.¹

Неудача такой опасной авантюры, какой являлся Ферганский поход 1800 г., имела, как мы видели, чрезвычайно болезненные последствия для казахского ополчения и, несомненно, должна была нанести сокрушительный удар и без того шаткому влиянию Юнус-ходжи и его помощников в казахских районах.

Отсутствие поддержки со стороны казахов не могло, в свою очередь, не отразиться на упадке военной мощи Ташкентского государства и делало его легкой добычей кокандских завоевателей. Дальнейшая история Ташкента на протяжении первого десятилетия XIX в. по существу является историей постепенного завоевания его кокандцами.

Дальнейшие события политической жизни Кокандского ханства, следовавшие непосредственно за неудачным походом Юнус-ходжи, связаны, главным образом, с военными мероприятиями Алим-хана против Ходжента и Ура-тюбе.

Завладев через некоторое время Ходжентом, хан начал войну с Бухарой, покровительствовавшей в это время ура-тюбинским правителям. Главную роль в Ура-тюбинском районе играла феодально-племенная знать узбекского племени юз, примыкавшая, смотря по обстоятельствам, то к Бухаре, то к Коканду и, пользуясь существовавшими между этими государствами противоречиями, остававшаяся фактически независимой. Именно этим обстоятельством можно объяснить тот странный на первый взгляд факт, что Алим-хан, за сравнительно недолгий промежуток своего царствования, вынужден был совершить против Ура-тюбе 12 или 15 походов,² не давших, впрочем, решительных результатов.

Хронология описываемых походов до сих пор остается не установленной. Говоря об одном из первых походов Алим-хана против Ура-тюбе, происходившем, повидимому, около 1800 г.,³ Наливкин сообщает, что событие

¹ В одном из казахских народных преданий сохранились имена казахских предводителей, участвовавших вместе с своими племенами в войнах на стороне Юнус-ходжи. См. Диваев, цит. соч., стр. 151.

² Наливкин, цит. соч., стр. 88.

³ Источники говорят об этом событии непосредственно за описанием Ферганского похода Юнус-ходжи.

это происходило в 1224/1809 г.,¹ совершенно упуская при этом из виду, что 1224 г. х. является годом смерти Алим-хана.²

Один из следующих походов Алим-хана против Ура-тюбе Наливкин относит к 1225/1810 г., когда, следовательно, Алим-хана не было уже в живых. К «посмертной» же деятельности Алим-хана Наливкиным отнесены все прочие его многочисленные походы и выступления, продолжавшиеся, по словам этого автора, до 1232/1816 г.³

Пока Алим-хан совершал свои ура-тюбинские походы, из Ташкента были получены сведения о том, что Юнус-ходжа умер.⁴ Считая создавшийся момент, повидимому, благоприятным для завоевания Ташкента, Алим-хан решает направить туда свои войска. Наливкин сообщает, что сначала хан собирался выступить лично, но затем, «опасаясь оставить Фергану», передает начальствование над войсками своему брату Омару.⁵ Последнее же известие подтверждается и кокандскими историками Мухаммед-хакимом⁶ и Аваз Мухаммедом,⁷ за исключением муллы Нияз Мухаммеда, приписывающего Алим-хану, повидимому, личное участие в данном походе.⁸ Следует, впрочем, заметить, что последний из названных историков, написавший свое сочинение уже в 1871 г., не может претендовать на достаточный авторитет в сравнении с более ранними авторами, особенно в определении хронологии и порядка происходивших при Алим-хане событий,⁹ а потому привлекается нами лишь в связи с множеством сообщенных им интересных деталей, знакомство с которыми он мог, повидимому, приобрести главным образом из рассказов современников и очевидцев описываемых событий.

Впрочем, на основании такого же рода устных сообщений об этих событиях писали, как мы уже знаем, и другие, более ранние ферганские авторы.

¹ Наливкин, цит. соч., стр. 83.

² Histoire de l'Asie Centrale. Texte, p. 99; также Лэн-Пуль, цит. соч., стр. 237.

³ Наливкин, цит. соч., стр. 101. Автор цитированной в «Протоколах» статьи прекращает свой пересказ книги Мунтахаб-ат-таварих на взятии Алим-ханом Ходжента, не называя каких-либо дат.

⁴ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. Д 90, л. 1526.

⁵ Наливкин, цит. соч., стр. 86.

⁶ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 378а и сл., ркп. Д 90, л. 1526.

⁷ Тухфет-ат-таварих-и-хани, ркп. С 440, л. 105а.

⁸ Тарих-и-Шахрохи, цит. изд., стр. 66 и сл.

⁹ Хотя, как мы уже видели выше, Нияз Мухаммед является в то же время единственным автором, дающим верную дату вступления на престол Алим-хана.

IV

Став во главе назначенных к походу войск, Омар-бек двинулся на Ташкент, следуя через Кураму и долину (чулге) Ангрена. На рассвете следующего дня кокандцы переправились через р. Чирчик¹ и принялись грабить и избивать окрестное население. Часть жителей была захвачена в плен.²

В Ташкенте в это время вместо умершего Юнус-ходжи правил сын его Султан-ходжа. Набег кокандцев застал правителя, повидимому, врасплох. В кокандский лагерь был прислан посол для мирных переговоров. Омар-бек изъявил согласие на мир и направил в город своего представителя. Вскоре, однако, Султан-ходжа переменял свое решение и выступил против Омар-бека с войсками. Исход сражения оказался для ташкентцев неблагоприятным: Султан-ходжа был разбит и попал в плен. Движение кокандцев на город заставило жителей взяться за защиту. Во главе власти был поставлен брат Султан-ходжи — Хамид-ходжа.³

Узнав о приготовлениях ташкентцев и не решившись, повидимому, штурмовать город, Омар-бек направился на крепость Нияз-бек, выстроенную на Чирчике у того места, где берет свое начало главная водная магистраль Ташкента — арык Боз-су, питающая город водой. Завладев Нияз-беком и лишив таким образом Ташкент воды, кокандские войска снова подошли к городу, оставив в завоеванной крепости небольшой гарнизон.⁴

Ташкентцы снова выслали послов с выражением своей покорности. В результате начавшихся переговоров Омар-бек согласился оставить во главе города Хамид-ходжу, после чего направился с своими войсками через Кураму в Коканд.⁵

Рассматривая приведенные сообщения историков о ташкентском походе Омар-бека, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что сведения о казахах и их участии в данных событиях совершенно отсутствуют, несмотря на то, что путь кокандской армии шел через Кураму и другие районы, занятые в большинстве казахами.

¹ В тексте «Чилчик». Иногда произносилось также Сырчик.

² Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 378а-б; также Тухфет-ат-таварих-и-хани, ркп. С 440, л. 105а.

³ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 379а-б.

⁴ Там же, л. 380а, также ркп. С 440, л. 107б.

⁵ Там же, л. 380б (упоминается о движении через Кереучи). Сообщение Наливкина, цит. соч., стр. 87) с том, что Омар-хан (тогда еще бек) «вступил в Ташкент», источниками не подтверждается.

Совершенно очевидно, что казахи в описываемых событиях не играли сколько-нибудь заметной активной роли, иначе об этом кокандские историки не могли бы умолчать. Следует таким образом полагать, что существовавший при Юнус-ходже политический контакт между казахами и правителями Ташкента был затем нарушен, возможно вследствие неудачи ферганского похода 1800 г. и обнаружившейся вслед за этим слабости сыновей и преемников ходжи Юнуса.

Лишившись поддержки окружающей казахской периферии, Ташкент не мог оказать серьезного сопротивления кокандским войскам и должен был, судя по словам ферганских историков, стать на положение полунезависимой области Кокандского ханства. Насколько беспомощен был Хамид-ходжа без поддержки окружающей казахской периферии, видно из того, что оставленный Омар-беком в Нияз-беке небольшой кокандский гарнизон имел возможность в продолжение длительного срока не только удерживать за собою крепость, но и совершать нападения на самый город Ташкент, наводя ужас на его жителей, и без того страдавших от безводья.

Такое положение продолжалось, по словам Аваз Мухаммеда, в течение семи лет, пока Ташкент не был окончательно завоеван Алим-ханом и в город не была снова пущена вода.¹ С какого именно момента ведется этот счет, из слов историка выяснить не удастся. В связи с этим обстоятельством не представляется возможным определить и дату описанного похода Омар-бека на Ташкент. Для характеристики путаницы, существующей среди ферганских историографов в части хронологии, следует отметить, что двое из цитируемых нами авторов (Мухаммед-хаким и Аваз Мухаммед), заканчивая описание похода Омар-бека на Ташкент, в той же главе рассказывают о событиях 1220 (1805—1806) г.,² из чего, казалось бы, следует заключить, что и описанный ими на той же странице поход должен был состояться в том же 1220 г. х. Принявши эту дату и вспомнив о семи годах, прошедших, по словам Аваз Мухаммеда, со времени похода Омар-бека до окончательного завоевания Ташкента Алим-ханом, мы получим 1812/13 г., когда Алим-хана в действительности уже не было в живых.

В такой же мере неясной остается в литературе и дата окончательного подчинения Ташкента и связанных с ним казахов Алим-ха-

¹ Тухфет-ат-таварих-и-хани, ркп. С 440, л. 112. О семилетних бедствиях ташкентцев автор говорит и в дальнейшем своем изложении.

² Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 380б (дата вписана другой рукой); Тухфет-ат-таварих-и-хани, ркп. С 440, л. 108б.

ном, относимого различными исследователями к периоду между 1803¹ и 1815 гг.²

Не пытаясь в данном месте окончательно разрешать неясные вопросы хронологии, остановимся сначала на изложении фактических данных, какие сообщаются о завоевательном походе Алим-хана ферганскими авторами. Наиболее подробные сведения по этому вопросу сообщаются автором *Тарих-и-Шахрохи*, Нияз Мухаммедом, до сих пор не вызывавшим к себе достаточного внимания со стороны исследователей.

Прежде чем приступить к изложению рассказа Нияз Мухаммеда, необходимо привести сообщения Мухаммед-хакима, как автора более раннего, а потому заслуживающего нашего внимания в первую очередь. К сожалению, рассказ Мухаммед-хакима отличается чрезмерной краткостью, как, впрочем, и большинство его сообщений, относящихся к интересующему нас вопросу.

Вследствие того (говорит наш автор), что Хамид-ходжа, оставленный Омар-беком в качестве правителя Ташкента, не проявил достаточной почтительности по отношению к Алим-хану, последний собрал многочисленное войско и направился с ним против Ташкента. Когда кокандские войска прибыли в Кураму и направились дальше в Ташкент, Хамид-ходжа, убедившись в невозможности сопротивления, бежал в Бухару.³ Алим-хан вошел в город, где войска его занялись грабежом и уничтожением жителей. Через день, когда хан запретил грабеж, «население успокоилось».⁴ После этого Алим-хан вызвал к себе начальствующих лиц города (калян) и выдал им награды, а затем распорядился пустить в Ташкент воду, «которой не пускали сюда в течение семи лет».⁵

Подчинив себе весь Ташкентский вилайет, Алим-хан «оказал милости его населению» и ушел обратно, оставив в городе гарнизон во главе с Сейид Али-беком и некоторыми другими эмирами.⁶

Разумеется, этих данных слишком недостаточно для того, чтобы уяснить до некоторой степени ту конкретную обстановку, в какой происхо-

¹ Вестн. Русск. Георг. общ., цит. вып., стр. 55.

² Протоколы заседаний и сообщения членов Турк. кр. любит. археолог., год IV, Ташкент, 1899, стр. 84—85.

³ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 385а-б, ркп. Д 90, л. 281б — 282а; также Тухфет-ат-таварих-и-хани, ркп. С 440, л. 113а. В последних двух сочинениях указывается, что Хамид-ходжа бежал после того, как сразился с кокандскими войсками и потерпел от них поражение.

⁴ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 385б.

⁵ Тухфет-ат-таварих-и-хани, цит. рук., л. 113б.

⁶ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 386а, ркп. Д 90, л. 161б—162а; тоже у Аваз Мухаммеда, цит. ркп. С 440, л. 113б.

лило завоевание Ташкента и его области, вообще и, в частности, роль в этом деле казахов.

Некоторые из интересующих нас подробностей встречаются в сочинении Нияз Мухаммеда. В силу отдаленности своей от описываемых событий Нияз Мухаммед допускает ряд анахронизмов, считая, напр., что Юнусходжа был еще жив при завоевании Ташкента Алим-ханом, или приписывая Алим-хану взятие крепости Нияз-бека, что, по словам других историков, было совершено уже при походе Омар-бека. Впрочем, о последнем походе Нияз Мухаммед не упоминает вовсе. Учитывая все эти недостатки, следует все же отметить, что сообщение Нияз Мухаммеда в целом не противоречит другим, более ранним известиям, дополняя их вместе с тем целым рядом подробностей, чрезвычайно характерных для понимания той обстановки, в какой разворачивались интересующие нас события. Некоторые из сообщаемых автором деталей, указывая на обширное знакомство автора с различными сторонами описываемой им эпохи, находят то или иное подтверждение в словах других известных нам историков; другие являются новыми и могут служить исходным материалом для дальнейших исследований по тем или иным отдельным вопросам.

Прежде чем выступить на завоевание Ташкента, Алим-хан, по словам Нияз Мухаммеда, предпринял экспедицию против Курамы, задачей которой (экспедиции) являлось, повидимому, обеспечение тыла на случай дальнейшего развертывания военных действий в Ташкенте.

Прибыв с войсками в Кумыш-курган, хан направил часть своих отрядов к перевалу Кендыр-даван, а сам с главными силами двинулся к Самару.¹ Отправив отсюда часть войск по направлению к Он ики буйнак («12 буйнаков»), хан прошел через Уч и остановился в Булаке, где, повидимому, проходила южная граница Кураминской области. Отсюда большую часть своих войск хан отправил в Кураму с приказанием грабить и уничтожать все, что попадется на пути. Когда вся область была разграблена, Алим-хан собрал свои войска и пришел в Кяриз.² Сюда к хану явились представители всех кураминских селений с подарками и выражением своей покорности. Хан выдал явившимся аксакалам и биям милостивые грамоты (инаетнамэ), запретив войскам дальнейшие грабежи (чапау). Забрав часть местных жителей в свои войска, кокандцы двинулись затем на крепость Кереучи, не пожелавшую подчиниться им добровольно. В то время когда хан занимался осадой крепости, к нему привели аксакалов и биев со всех

¹ Тарих-и-Шахрохи, цит. изд., стр. 65.

² Там же, стр. 66.

концов Кураминской области. Алим-хан приказал выдать явившимся награды и одновременно предписал доставить к нему ополчение (кыл-куйрук)¹ из всех подвластных им районов.²

Описывая далее осаду крепости Кереучи, Нияз Мухаммед рассказывает о постройке кокандцами со всех ее сторон серкубов,³ с высоты которых осаждающие стреляли по осажженным. Не выдержав, наконец, огня, защитники Кереучи просили пощады и сдали крепость.

Подчинив таким образом себе Кереучи, Алим-хан мог считать себя полным хозяином в Кураминском районе и получил свободный доступ к Ташкенту. Считая, повидимому, захваченную в Кураме добычу недостаточной, Алим-хан отправил по разным направлениям 12 тысяч своих войск с тем, чтобы они «до конца» произвели грабежи и опустошения и тем самым «удалили из сердца жителей всякие мятежные мысли». Грабеж продолжался в течение 4—5 дней. Казахи и прочие кочевники на всем пространстве от Курамы до Ташкента и даже Чимкента (?) лишились, по словам автора, своего скота, целиком забранного у них кокандцами.⁴

Произведя раздел доставленной войсками добычи и назначив свой гарнизон в Кереучи, хан ушел в Коканд, с намерением снова вернуться в завоеванную им область через двадцать дней.⁵

По возвращении в столицу хан приказал своим войскам в течение назначенного двадцатидневного срока усиленно кормить лошадей, а затем, усилив свои войска новыми ополчениями, снова подошел к границам Курамы, чтобы и здесь собрать вспомогательные войска. Навстречу хану прибыл с подарками правитель Кураминской области с главными биями, аксакалами и прочими местными начальниками. Хан вскоре же отпустил прибывших обратно.⁶ Оставив в Кяризе артиллерию и заехав на два дня в Кереучи, кокандцы забрали с собой местное ополчение (кыл-куйрук) и прибыли в Той-тюбе,⁷ где, по словам Нияз-Мухаммеда, хан оставил свой гарнизон еще во время первой своей экспедиции против Курамы.⁸

¹ Обычный термин ферганских авторов. В Бухаре и Хиве вместо этого термина употреблялось выражение «кара-чирчик».

² Там же, цит. место.

³ Искусственные сооружения, командующие над крепостью.

⁴ Тарих-и-Шахрохи, стр. 69. Здесь же автор говорит о взятии кокандцами крепости Нияз-бека и об оставлении там кокандского гарнизона, что, как мы уже видели, должно быть отнесено к предшествующей экспедиции Омар-бека.

⁵ Там же, цит. место.

⁶ Там же, стр. 70.

⁷ Известное большое селение километрах в 40 к югу от Ташкента.

⁸ Тарих-и-Шахрохи, стр. 69.

Когда ташкентцы услышали о приближении кокандских войск, они принялись, по словам нашего автора, прежде всего закапывать в землю свое имущество и ценности, чтобы не лишиться их при нападении неприятеля.

Аксакалы, агальки и арбабы¹ города начали суетиться, сгоняя народ (фукара) к крепостным стенам. Тревога ташкентцев описывается нашим автором необычайно яркими красками. В городе наступила анархия и паника. Все от страха потеряли рассудок. Запасов продовольствия в городе не оказалось, подвоз продуктов из окрестностей в связи с закрытием ворот прекратился. Голодные дети бродили по улицам, прося хлеба.

Тем временем Алим-хан, знавший о тревожном настроении большинства городских жителей, подошел с своей артиллерией к Куйлюку.²

Все казахи и оседлые окрестные жители подвергались поголовному ограблению и насилию со стороны ханских войск.

Подобно большинству среднеазиатских городов, Ташкент в рассматриваемое время был окружен глинобитной стеной, высота которой достигала, по словам Пospelова,³ 26 фут., а толщина внизу 6 и вверху 3 фут. Окружность стены тот же путешественник определяет в 18 верст. В стене имелось 6 ворот. Рва с наружной стороны стены не было. Несмотря на внушительную свою высоту, стена по своему устройству и качеству материала, а также в связи с множеством имевшихся в ней расселин и трещин, не могла представлять серьезной защиты против кокандцев, располагавших некоторым количеством артиллерии.

Прибыв на берег Салара, Алим-хан приказал своим артиллеристам⁴ приступить к обстрелу двух ворот, находившихся с южной стороны крепости. Остальные войска обложили город со всех сторон.

Артиллерийский обстрел продолжался около двух суток, в течение которых ханские войска, «многочисленные, как воды Нила», подошли вплотную к городу.⁵ Из дальнейших слов автора видно, что одновременно с артиллерийской подготовкой, кокандскими войсками велись и подкопы и подрывные

¹ О значении должности аксакалов в Ташкенте см. «Вестник», цит. соч., стр. 32; также Гейнс, А. К. «Собрание литературных трудов», т. II, СПб., 1898, стр. 456 и сл. Упоминаний о должностях агальки и арбаба в Ташкенте в литературе, повидимому, не встречается.

² Тарих-и-Шахрохи, стр. 71. Куйлюк (собств. Койлюк) — местность на р. Чирчик, в 8 км к югу от города.

³ Вестник Русск. Геогр. общ., цит. вып., стр. 27.

⁴ В тексте стоит: «Таджик ва бек баче». По поводу этих терминов см. ниже.

⁵ Тарих-и-Шахрохи, стр. 72. При описании действий кокандской артиллерии автор сообщает ряд не встречающихся в других сочинениях специальных названий, относящихся к различным типам орудий и фальконетов.

работы. При помощи лопат (бель), топоров (табар) и мотык (кулянд) кокандцы произвели подкопы в городской стене и наполнили их нефтью (нафт)¹ и порохом (дару). Когда все подготовительные работы были закончены, по данному сигналу был произведен одновременно взрыв заложенных зарядов и залп из всех орудий. Земля городских стен, по словам историка, взлетела на воздух, смешавшись с тучами порохового дыма.² Как только раздался залп и гул взрыва, кокандские войска с неистовыми криками бросились сквозь образовавшиеся бреши внутрь города. Начался поголовный грабеж.³

На следующий день Алим-хан лично вступил в город.⁴ Выбрав из числа знатных и влиятельных жителей города заложников (ак-уйлюк) и отправив их в свою столицу Коканд, хан приступил к «наведению порядка» в окружающих город казахских районах. Для этой цели он вызвал из степи всех казахских биев и подверг их соответствующим взысканиям, после чего снова назначил их «по прежнему обычаю» биями среди отдельных казахских племен и отпустил по местам. Через месяц Алим-хан отправился в обратный путь, оставив в Ташкенте своего начальника, носившего титул лешкер-диванбеги.⁵

Сопоставляя приведенный рассказ Нияз Мухаммеда с изложенным выше кратким сообщением Мухаммед-хакима, мы не наблюдаем среди них существенных расхождений в описании общего хода событий. Исключив некоторые, уже отмечавшиеся выше анахронизмы в рассказе Нияз Мухаммеда, а также отдельный эпизод, связанный с кураминским походом Алим-хана, мы должны будем убедиться, что оба автора говорят об одном и том же, различаясь лишь по степени подробности своего рассказа. Несмотря на наличие ряда интересных деталей в рассказе Нияз Мухаммеда, мы у него также, к сожалению, не встречаем ни даты похода, ни каких-либо достаточно подробных указаний на действия кокандского войска вне пределов Ташкента, хотя сам автор в дальнейшей части своего сочинения говорит о завоевании Алим-ханом «Ташкентской области вместе с казахами и оседлым населением».⁶ Отсутствие последнего рода данных особенно

¹ Литературные данные о добыче и использовании нефти в Кокандском ханстве см. Иванов, П. П., «К истории развития горного промысла в Средней Азии», Лгр., 1932, стр. 52—53.

² Тарих-и-Шахрохи, стр. 73.

³ Здесь же автор говорит о бегстве правителя, называя вместо Хамид-ходжи отца его Юнус-ходжу.

⁴ Там же, стр. 74.

⁵ Там же, стр. 75.

⁶ Тарих-и-Шахрохи, стр. 75.

досадно потому, что Мухаммед-хаким также говорит о завоевании Алим-ханом «всего Ташкентского вилайета», в состав которого, как нам уже известно, входила территория почти всей Старшей (Большой) казахской Орды.

Насколько непрочны были завоевания Алим-хана в казахских районах, отчасти видно из дальнейших повествований ферганских историков, рассмотрение которых мы продолжим.

Несмотря на необычайно важные последствия, какие имело в дальнейшем завоевание Ташкента для Кокандского ханства, на первых порах этот крупный шаг остался в Фергане, повидимому, незамеченным. По крайней мере, местные историки не говорят об этом. Постоянные внешние войны, которые вел Алим-хан на всем протяжении своего царствования, создали в стране чрезвычайно напряженную обстановку и ухудшили и без того тяжелое положение широких масс населения.

Укрепляя свое положение, как главы государства, Алим-хан должен был вести упорную борьбу с узбекской феодальной знатью и духовенством, игравшими до сих пор весьма видную роль во внутренней жизни ханства. Понеся поражение в открытой борьбе с ханом, феодальные элементы вынуждены были перейти частью на положение «служилых людей», частью эмигрировать в Бухару, не оставляя, однако, надежды восстановить свое положение. Чувствуя непрочность своей власти, хан окружил себя горцами-таджиками («гальча»), выходцами из Дарваза, Каратегина, Шугнана и других горных районов.¹ Являясь постоянно в Фергану в поисках заработка, таджики-горцы охотно избирали военное дело в качестве своей профессии, составляя главное ядро ханской армии, в первую очередь ее артиллерийские части.²

Несмотря на понесенный разгром, феодальные элементы не складывали оружия, объединяясь постепенно вокруг Омар-бека, родного брата Алим-хана и подготавливая таким образом почву на случай своего выступления.

¹ Наиболее подробные данные о таджикской гвардии (гулям) Алим-хана сообщает Нияз Мухаммед, упоминающий также о выходцах из Бадахшана, Гунта, Вахана (вахыячи) и даже Читрала (см. «Тарих-и-Шахрохи», стр. 42—43 и сл.). О привязанности Алим-хана к таджикам упоминают также Мухаммед-хаким (см. «Мунтахаб-ат-таварих», ркп. С 470, л. 391а), а также Аваз-Мухаммед. См. «Тухфет-ат-таварих-и-хани», ркп. С 440, л. 1226, 1246, где упоминаются иранцы (ирани), читральцы и таджики. Среди ханских гулямов находились, на ряду с свободными (азад), также рабы (бэндэ).

² Нияз Мухаммед в одном месте своего сочинения (стр. 43) говорит о 3700 таджикских воинов, находившихся на службе Алим-хана. Таджиков же (таджик вэ бек-баче) автор всюду упоминает в качестве артиллеристов.

Помимо общего недовольства со стороны населения, вызывавшегося, как отмечалось уже выше, тяжелыми поборами и постоянными внешними войнами, хан не пользовался популярностью в массах также благодаря множеству чинимых им насилий над населением, что отмечается не только местными, но и бухарскими историками.

Жестокость Алим-хана, по словам его современника Абдул-Керима Бухарского,¹ была невероятна и доходила даже до того, что подданные лишались возможности распоряжаться своими дочерьми: хан отнимал их и распоряжался ими по своему усмотрению. Вопли угнетенных (говорит тот же историк) достигали высот Сатурна; все просили бога послать на хана смерть.

При таких условиях подготовлявшийся заговор против хана мог рассчитывать на успех и привлекал к себе значительное число сторонников из феодальной знати и высшего духовенства, избравших, как уже указывалось, центральной фигурой Омар-бека.²

Зная о намерениях заговорщиков, Алим-хан не предпринимал, однако, против них каких-либо решительных мер. Можно даже думать, что хан вообще не склонен был придавать заговору серьезного значения, полагаясь, повидимому, на верность своей иноземной гвардии. В этом убеждают нас отчасти слова Нияз Мухаммеда, который рассказывает о том, что Алим-хан, после завоевания Ташкента, обдумывал план войны с Россией,³ к чему неизбежно должно было привести (и впоследствии привело) предпринятое кокандскими ханами завоевание казахских степей.⁴

В связи с военными планами Алим-хана Нияз Мухаммед говорит и об отправке в Россию уже упоминавшегося выше ханского каравана, в задачу которого как-будто могло входить также собирание сведений о районе будущих военных действий с русскими.

В это же время хан получил от своего ташкентского наместника Сейид Али-бека известие о том, что казахи отказываются платить установленный для них закят (со скота) и харадж (с посевов), вследствие чего наместник просил выслать соответствующую вооруженную силу для наказания возмущившихся.⁵

¹ Histoire de l'Asie Centrale etc., texte, p. 96.

² Некоторые подробности по этому вопросу см. Наливкин, цит. соч., стр. 96.

³ Тарих-и-Шахрохи, стр. 75—76. -

⁴ Следует, конечно, иметь в виду, что движение кокандцев в казахские степи с юга началось уже в то время, когда были заложены так называемые линии, Сибирская и Оренбургская, послужившие впоследствии исходной базой для царского завоевания тех же степей с севера.

⁵ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. Д 90, л. 162 б. Данное место рукописи представляет собою, повидимому, одно из дополнений, сделанных переводчиком, так как в персидском

Несмотря на явные признаки брожения среди приближенных и недовольство населения вообще, хан собрал войска и в начале февраля (1809)¹ выступил в Ташкент.

Проследовав, по обыкновению, через Кураму и Той-тюбе, хан задержался на некоторое время для охоты на Чирчике, после чего вступил в Ташкент.

Попутно следует отметить, что приемы, употреблявшиеся среднеазиатскими ханами для наказания кочевников, попавших на положение неаккуратных плательщиков закята, отличались вообще необычайной жестокостью. Для примера можно сослаться на современника Алим-хана, бухарского эмира Хайдера (1800—1826), который дает одному из своих провинциальных правителей по этому поводу следующие наставления: «приложите старание собрать закят там, где он еще не собран. Против тех, кто вам положенный закят отказывается давать, употребите военные действия, набеги и баранту, и все-таки получите закят. Ни в коем случае нельзя оставить закят невзысканным».²

Несмотря на сравнительно скромные нормы, в каких определен закят по шарпату (обычно 1/40 от стоимости имущества), налог этот являлся для скотоводов чрезвычайно тяжелым, так как сбор его производился вне какого бы то ни было контроля со стороны административных центров и носил обычно характер массового вымогательства и грабежа, преследовавшего цель личного обогащения чиновников (закятчи). Жестокости и насилия, чинившиеся ханскими агентами (иногда откупщиками), были настолько велики, что нередко вызывали за собою восстания кочевников против ханской власти, подавлявшиеся обычно вооруженной силой.³

Таковы, напр., восстания туркмен против хивинских и иранских правителей в XVI—XIX вв., а также каракалпаков в 1827, 1855 гг. против Хивы и ряд других.

Судя по той поспешности, с какой Алим-хан, несмотря на суровую зиму, выступил на этот раз, можно было бы полагать, что среди казахов

подлиннике оно отсутствует, по крайней мере в нашей рукописи С 470. Последовавший вскоре поход Алим-хана в Ташкент для наказания казахов в указанной рукописи (С 470, л. 393б) назван «беспричинным» (бисабаби), что, конечно, следует признать весьма сомнительным.

¹ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, лит. место. Нияз Мухаммед говорит о середине января (Тарих-и-Шахрохи, стр. 76); относительно года см. ниже.

² Изв. Среднеаз. отд. Гос. Русск. Геогр. общ., т. XVIII, Ташкент, 1928, стр. 23 (статья В. Л. Вяткина).

³ Жестокости эти были настолько велики, что вызывали осуждение даже со стороны самих среднеазиатских правителей, боявшихся возмущений со стороны разоренного населения. См., напр., лит. ст. Вяткина, стр. 24.

происходили серьезные волнения, требовавшие немедленно применения вооруженной силы. Однако обстановка, в какой совершилось передвижение кокандских войск к Ташкенту, ни в коей мере не подтверждает такого предположения. Приближаясь к Ташкенту, хан устраивает большую охоту на Чирчике, что вряд ли было бы возможно, если бы речь шла о серьезных волнениях.

Тем не менее Алим-хан по прибытии в Ташкент посылает своих начальников Ирис-кул-бия и Джума-бая Кайтаки с войсками в казахские районы, приказав им произвести поголовный грабеж и избиение жителей.¹ По Нияз Мухаммеду, хан послал войска в Дашт-и-кипчак для завоевания Чимкента и Сайрама.²

Несмотря на стоявшие жестокие холода, войска выступили в степь. Район действия кокандских войск указывается только Нияз Мухаммедом. Мухаммед-хаким и зависящий от него Ашур Мухаммед глухо говорят о «казахских улусах» вообще.

Избрав центром своих действий Чимкент и Сайрам, кокандские войска рассыпались, по словам Нияз Мухаммеда, на пространстве от Ташкента до Туркестана и Аулие-Ата (ныне г. Мирзоян), подвергая грабежу и уничтожению находившихся здесь казахов. Одновременно производилась также осада Чимкента. Кокандцы обложили город со всех сторон и стали обстреливать его из фальконетов. Успеху осадных работ мешали стоявшие в это время сильные холода.³ Значительное число кокандцев отморозило себе руки и ноги. В войсках начался заметный ропот; многие, в том числе и известные своей верностью хану таджики, открыто выражали свое недовольство. Сердца их, по образному выражению историка, стали холодными, как зима в Дашт-и-кипчаке, и отвратились от хана.⁴ Опустошения, нанесенные кокандскими отрядами в казахских районах, были неисчислимы. Часть казахов была перебита, часть забрана в плен, имущество было разграблено до последней тряпки,⁵ так что, по выражению Аваз Мухаммеда, казахам нечем даже было прикрыть свое грешное тело.⁶ Часть казахов, впрочем, успела откочевать в отдаленные районы, избавившись таким образом от грабежей и насилия.

¹ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 394а; также см. ркп. С 440, 121б. Абдул-Керим Бухарский (цит. соч., стр. 96) утверждает, что войска были посланы под командованием брата Алим-хана, Омар-бека.

² Тарих-и-Шахрохи, стр. 77.

³ Там же, цит. место.

⁴ Там же, стр. 78.

⁵ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 396б, ркп. Д 90, л. 291а.

⁶ Тухфет-ат-таварих-и-хани, ркп. С 440, л. 291а.

Некоторые из казахов просили, по словам Абдул-Керима Бухарского, пощады, принеся присягу в верности, вследствие чего они были избавлены от грабежей, ограничившись лишь уплатой податей (бадж).¹

Считая в конце-концов свою роль выполненной, кокандские войска направились в Ташкент. Алим-хан выслал навстречу возвращающимся Омар-бека с тем, чтобы тот произвел традиционный раздел доставленной войсками добычи. Выполнив возложенное на него поручение, Омар-бек прибыл вместе с главными военачальниками к хану.

Историки сообщают, что, увидя пришедших начальников, хан стал обвинять их в излишней мягкости по отношению к казахам и даже в намеренном нежелании наказать их, как требовалось.² Аваз Мухаммед утверждает, что подозрения подобного рода возникли у хана в результате интриг и наговоров со стороны некоторых близких ко двору лиц.³

В конце-концов хан потребовал, чтобы Ирис-кул-бий и Джума-бай Кайтаки снова отправились в казахские степи и выполнили данное им поручение до конца.⁴

Приказ хана произвел подавляющее впечатление на войска, нуждавшиеся в длительном отдыхе после чрезвычайно трудного зимнего похода в казахские степи. Все признавали, говорит Абдул-Керим Бухарский, что прежде всего лошади не годятся и требуют отдыха и что, во-вторых, стоит суровая зима и что, наконец, казахи все же мусульмане, притом ни в чем неповинные. Кроме того, было известно, добавляет тот же автор, что казахи уже успели рассеяться по разным закоулкам, горным ущельям и недоступным местам, удаленным от Ташкента на 10 дней пути.⁵ Всем было ясно, что новый поход представляет большую опасность для кокандских войск, чем для казахов.

Создававшаяся обстановка была слишком благоприятна, чтобы ею не воспользовались политические соперники Алим-хана, уже давно выжидавшие удобного случая свести с ним свои счеты. Ирис-кул-бий, Джума-бай Кайтаки, Му'мин-бек, дядя Алим-хана, Мухаммед Риза-бек и другие убедили окончательно Омар-бека собрать вокруг себя войска и отправиться

¹ Histoire de l'Asie Centrale etc., texte, p. 97. Термин «бадж» обычно употребляется в смысле «пошлина».

² Там же, цит. место; также Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 397а.

³ Тухфет-ат-таварих-хани, ркп. С 440, л. 122а.

⁴ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 397а, ркп. Д 90, л. 291б; Абдул-Керим Бухарский, цит. соч., стр. 97.

⁵ Histoire de l'Asie Centrale etc., texte, p. 97.

во главе их в Коканд, чтобы воссесть там на ханский престол.¹ Заговорщики обратились с призывом к войскам, те охотно их поддержали и вместе с ними направились в столицу ханства, где и возвели Омар-бека в ханское достоинство.

Когда Алим-хан узнал о действиях заговорщиков, вокруг него оставалось только около 300 всадников.² Часть войск во главе с Зухуром-диванбеги еще продолжала в это время находиться в казахских районах, именно в районе Сайрама, который кокандцы безуспешно продолжали осаждать.³ Алим-хан послал распоряжение Зухур-диванбеги о том, чтобы тот снял осаду Сайрама и явился в Ташкент. Хан стал усиленно раздавать деньги и подарки всем его окружающим, желая привлечь их на свою сторону.⁴

Таким образом были розданы даже те товары, которые были предназначены ханом для отправки с караваном в Россию.⁵ Все было, однако, бесполезно, так как всем было ясно, что дело Алим-хана проиграно. Лишь небольшие остатки иноземной гвардии продолжали еще окружать хана, в то время когда большая ее часть уже перешла на сторону Омар-бека.⁶ Надежды, возлагавшиеся ханом на Зухура-диванбеги, вызванного им из-под Сайрама, также оказались напрасными. Когда эти войска явились в Ташкент, хан убедился, что рассчитывать на их поддержку он также не может.⁷ Видя, что он оставлен всеми, Алим-хан с гаремом и небольшой кучкой остававшихся еще при нем гулямов направился по дороге к Коканду, рассчитывая, может быть, на поддержку со стороны населения своей столицы. Дорогой хан был окончательно покинут всеми окружающими и убит сторонниками Омар-хана.⁸ Событие это произошло, по словам Абдул-

¹ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 398а; Тарих-и-Шахрохи, стр. 78; Histoire de l'Asie Centrale etc., texte, p. 97.

² Histoire de l'Asie Centrale etc., texte, p. 97.

³ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 399а, ркп. Д 90, л. 293а; Тухфет-ат-таварих-и-хани, ркп. С 440, л. 124а.

⁴ Мунтахаб-ат-таварих, ркп. С 470, л. 399а.

⁵ Тарих-и-Шахрохи, стр. 80.

⁶ Тухфет-ат-таварих-и-хани, ркп. С 440, лл. 122б, 124б.

⁷ Тарих-и-Шахрохи, стр. 80; Мунтахаб-ат-таварих, ркп. 470, л. 399б.

⁸ Подробности об этом см. Наливкин, цит. соч., стр. 99—101. В статье, составленной по расспросным данным в 1840 г., о настоящем походе рассказывается следующее: «Желая устроить вновь завоеванные провинции, Алим-хан переехал на некоторое время в Ташкент, где жил на военной ноге, всегда готовый укротить мятеж недовольных жителей. Хищные киргизы (казахи. *II. И.*), кочующие в пределах и на границе этой области, беспрестанно чувствовали тяжесть его руки. Это наскучило кокандцам, утомленным войною, и особенно придворным хана, которые, приобретя богатство, хотели спокойно им пользоваться. Против Алима состоялся (sic!) заговор, имевший целью лишить его жизни и на ханство возвести родного брата его Омара...» и т. д. (Зап. Русск. Геогр. общ., кн. 3, СПб., 1849, стр. 192—193).

Керима Бухарского, в 1224 г. х.¹ Касаясь более подробно даты описываемых событий, необходимо отметить следующее: 1224 г. х. начался 16 февраля 1809 г. и закончился 5 февраля 1810 г. В связи с этим возникает вопрос, к какому из этих двух лет следует отнести смерть Алим-хана, а следовательно и все описанные выше события, связанные с его последним походом в казахские степи. Выступление в поход состоялось, по словам Мухаммед-хакима, в начале февраля (см. выше). Если принять во внимание, что путь от Коканда до Ташкента должен был занять не менее 10 дней и что в самом Ташкенте Алим-хан находился во всяком случае не менее месяца, то необходимо признать, что обратное следование хана и смерть его не могли произойти ранее второй половины марта или даже начала апреля. С этой стороны свидетельство Наливкина о том, что хан погиб весной,² заслуживает, по нашему мнению, полного доверия. Поскольку это так, смерть хана не могла произойти в 1810 г., так как 1224 г. х. закончился 5 февраля 1810 г. Следовательно, все описанные события произошли в феврале—марте, а смерть хана в марте—апреле 1809 г.

Имея в виду последнюю, твердо установленную дату (1809 г.), возвратимся теперь несколько назад, чтобы попытаться определить год завоевания кокандцами Ташкента, а также дату предшествующего этому событию ташкентского похода Омар-бека. Из рассказа Нияз Мухаммеда видно, что Алим-хан совершил свой последний поход на казахов через год после того как им был завоеван Ташкент,³ из чего следует заключить, что завоевание этого города произошло в 1808 г.

Если принять далее во внимание двукратное сообщение Аваз-Мухаммеда о том, что занятие Ташкента кокандцами произошло через семь лет после того как сюда совершил свой поход Омар-бек (см. выше), мы должны будем отнести последнее событие к 1801 г.

V

Заканчивая на этом свой краткий очерк кокандско-казахских отношений при Алим-хане, следует в заключение указать, что хотя имеющиеся в нашем распоряжении источники далеко недостаточны для освещения тех или иных отдельных сторон интересующего нас вопроса, однако общая картина происшедшей борьбы изображена ими довольно ясно.

¹ Histoire de l'Asie Centrale, texte, p. 99.

² Ср. Наливкин, цит. соч., стр. 101 (автором ошибочно указан при этом 1232/1816 г.).

³ Тарих-и-Шахрохи, стр. 75.

Разрозненные казахские племена, разбросанные на обширном пространстве современного Южного Казахстана, были слишком слабы, чтобы оказать серьезное сопротивление организованному натиску со стороны кокандских феодалов.

Несмотря на всю разноречивость сообщений ферганских историографов, можно все же полагать, что действия Алим-хана в Ташкентском районе и казахских степях носили, повидимому, строго рассчитанный характер. Постепенно обессиливая и подчиняя своему влиянию Ташкент, Кокандское ханство таким образом закрепляло за собой эту необычайно важную стратегическую базу, необходимую для развития дальнейших своих операций в Дашт-и-кипчаке. Не оказав кокандским войскам достаточного сопротивления под Ташкентом и передав в их руки этот город, казахи оказались затем уже бессильными бороться с дальнейшим продвижением кокандцев в свои степи. Значение Ташкента как первоклассного торгово-экономического центра уже в начале XIX в. было настолько велико, что, завладев этим городом, завоеватели подчиняли своему контролю экономическую жизнь всего окружающего района. К числу прочих городов, с которыми сталкивались казахи в пределах занимавшейся ими территории, относились Чимкент и Сайрам, вместе с казахами отстаивавшие свою независимость от кокандских завоевателей. Наши источники не указывают, к сожалению, каковы были в данный период взаимоотношения между населением указанных двух городских центров и окружающими их казахами. На основании более поздних сведений, приведенных мною в другом месте,¹ можно, однако, утверждать, что эти отношения не могли считаться благоприятными для создания единого фронта против кокандских завоевателей. Отчасти следствием существовавшего антагонизма между местными казахами и узбеками и явилась та легкость, с какой кокандские ханы овладели теми и другими порознь в довольно короткий срок.

К числу преимуществ кокандской армии принадлежала не только ее более высокая организация и централизованное руководство, но и наличие у кокандцев артиллерии, совершенно незнакомой кочевникам и потому производившей на них определенное впечатление.²

Говоря о последнем походе Алим-хана против казахов, нельзя не отметить, что совершение его зимой отнюдь нельзя признать фактом

¹ П. П. Иванов. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама. Сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 160.

² Замечания о техническом уровне кокандской артиллерии см. «Вестн. Русск. Геогр. общ.» за 1856 г., кн. 5, стр. 115 и сл.

случайным или «беспричинным», как это указывает цитированный выше Мухаммед-хаким. Зима является именно тем временем года, когда кочевники привязаны к своим «зимовкам», теряют свою обычную подвижность и делаются таким образом легко доступными и уязвимыми.

Односторонний характер имеющихся в нашем распоряжении источников, исходящих почти исключительно из правящих кругов Кокандского ханства, не позволяет, к сожалению, судить о всех последствиях зимней экспедиции 1809 г. и о непосредственном влиянии ее на дальнейшую хозяйственно-политическую жизнь казахских племен Старшей (Большой) орды. Возможно, конечно, что и Ферганские историки, и Абдул-Керим Бухарский допускают некоторое преувеличение в части действительных размеров бедствий, постигших в это время казахов. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что опустошения, произведенные в указанном году войсками Алим-хана, явились для казахов большим ударом, заметно ослабившим их хозяйственно-политическую мощь и значительно облегчившим собою задачу окончательного подчинения их кокандскими феодалами.

Героическая борьба казахского народа за свою независимость на этом, однако, не закончилась. Она продолжалась при брате и преемнике Алим-хана, Омар-хане (1809—1822), и отчасти возобновлялась на протяжении дальнейших десятилетий, хотя исход ее и был предрешен описанными выше событиями 1800—1809 гг.

В заключение следует отметить, что последствия описанных походов Алим-хана чрезвычайно велики, так как они подготовили почву для кокандской колонизации Южного Казахстана, оказавшей, в свою очередь, значительное влияние на последующую экономическую и политическую жизнь этого края.¹ Нельзя не отметить того обстоятельства, что положение широких масс казахского скотоводческого населения с внедрением владычества кокандского хана в степях значительно ухудшилось. Помимо эксплуатации и гнета со стороны своей собственной феодально-племенной правящей группы, в лице биев, султанов и прочих представителей господствующего класса, масса кочевников стала испытывать также всевозможные притеснения со стороны кокандских правителей. Стремясь к извлечению из вновь завоеванного края возможно больших выгод, кокандские феодалы покрыли все пространство современного Южного Казахстана сетью своих крепостей, под защитой которых развернул свою деятельность Ферганский сборщик податей, а вместе с ним и торговец-ростовщик.

¹ Территория современной Киргизской ССР была завоевана кокандцами несколько позже, вследствие чего мы ее здесь не касаемся.

Учитывая выгоды «сотрудничества» с кокандскими феодалами, казахская правящая знать открыто переходила на их сторону и под защитой кокандских гарнизонов производила всевозможные насилия. Поборы кокандских властей и действовавших на их стороне казахских правителей были настолько тяжелы, что нередко вынуждали массу кочевников покидать свои обычные места и откочевывать в отдаленные районы.¹

Иногда отдельные группы казахов, доведенные до крайности чинившимися над ними насилиями, восставали против своих притеснителей, но благодаря своей разрозненности и двойственной роли своей знати должны были терпеть поражения и испытывать еще худшую участь, как это наблюдалось, напр., в 20-х или 50-х годах XIX в.²

Последствия кокандского владычества в районах Южного Казахстана и современной Киргизии вообще настолько велики, что здесь можно говорить о них лишь в самых общих чертах. Касаясь вопроса о влиянии кокандской колонизации на хозяйственную жизнь района, один из современных экономистов справедливо отмечает, что линия построенных кокандцами факторий-крепостей от Ташкента до Алма-Ата является «результатом хорошо продуманного плана» военно-хозяйственной экспансии в глубь казахской территории. Благодаря системе указанных крепостей кокандцам удалось отрезать кочевую степь от горных «джайлау» (летовок) и тем самым поставить ее в зависимость от кокандских гарнизонов.³

Распространяя свою власть на казахские степи, Кокандское ханство широко использовало и идеологическое влияние мусульманского духовного аппарата. В Ташкенте, Туркестане, Чимкенте, Сайраме, Аулие-Ата и других пунктах строились мечети и медресе, восстанавливались мазары, распространялся в степи мюридизм, возглавлявшийся ферганскими ишанами.⁴ Стараясь облегчить закупку кокандскими купцами сырья и усилить сбыт городской ремесленной промышленности в казахских районах, кокандские власти устраивали в различных пунктах базары и стремились привлекать к ним кочевое население. С целью обеспечить свои гарнизоны в Дашт-и-кипчаке продовольствием и фуражом, кокандские правители заботились

¹ Такого рода факты неоднократно отмечаются позднейшими путешественниками (Потанин и др.).

² Некоторые данные по этому вопросу см. Наливкин, цит. соч., стр. 119, 186—187; также Н. Северцов, «Месяц плена у коканцев», СПб., 1860, стр. 70—72.

³ См. статью П. В. Погорельского в изд. «Современный аул Средней Азии» (социально-экономический очерк), вып. VIII, Быстрореченская волость Фрунзенского кантона Киргизской АССР, Ташкент, 1927; стр. 10.

⁴ Халифе (qalpa) — «наместников» некоторых ферганских ишанов — мне приходилось встречать в б. Чимкентском уезде еще в 1920 г.

о развитии здесь земледелия и производили некоторые оросительные работы, не оставшиеся, разумеется, без влияния и на хозяйственную жизнь окружающих кочевников-скотоводов.¹

Нельзя, наконец, не отметить в общих чертах влияния кокандского господства на ход российского завоевания Средней Азии и Южного Казахстана в 40—60-х гг. XIX в. На продвижение российских завоевателей в глубь казахских степей кокандские власти реагировали чрезвычайно чутко, хотя полностью грозившей им опасности они и не сознавали. Ведя в 1858 г. переговоры с Н. А. Северцовым, кокандский правитель г. Туркестана предъявил между прочим требование о том, чтобы царская администрация возвратила кокандцам ту часть казахского населения, которая незадолго перед тем, спасаясь от кокандских сборщиков, откочевала на занятую царскими войсками территорию в районе Ак-мечети (ныне Кзыл-орда).² Объявив, с своей стороны, сыр-дарьинских казахов своими «подданными» и считая защиту их от кокандцев «обязанностью русского правительства»,³ царское командование таким путем стремилось оправдать свои захваты казахской территории.

Начавшиеся восстания казахских племен в тылу занятого царскими войсками края⁴ лучше всего свидетельствуют, насколько «сочувственно» относились казахи к оказывавшейся им «защите».

Заканчивая на этом свои краткие заключительные замечания, еще раз отметим, что подробное рассмотрение дальнейшей истории кокандско-казахских отношений составляет самостоятельную задачу, далеко выходящую за рамки настоящего небольшого исследования.

¹ Об этом см., между прочим, «Протокол № 4 заседания Турк. кружка любителей археол.» от 11 декабря 1900 г., стр. 131 и сл.

² Н. Северцов. Цит. соч., стр. 74.

³ М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868, стр. 196.

⁴ Сводку официальных данных по этому вопросу см. М. А. Терентьев, «История завоевания Средней Азии», т. I, СПб., 1906, стр. 234 сл.; также «Военный сборник», т. 85, отд. 1 (1872), стр. 14 и сл.